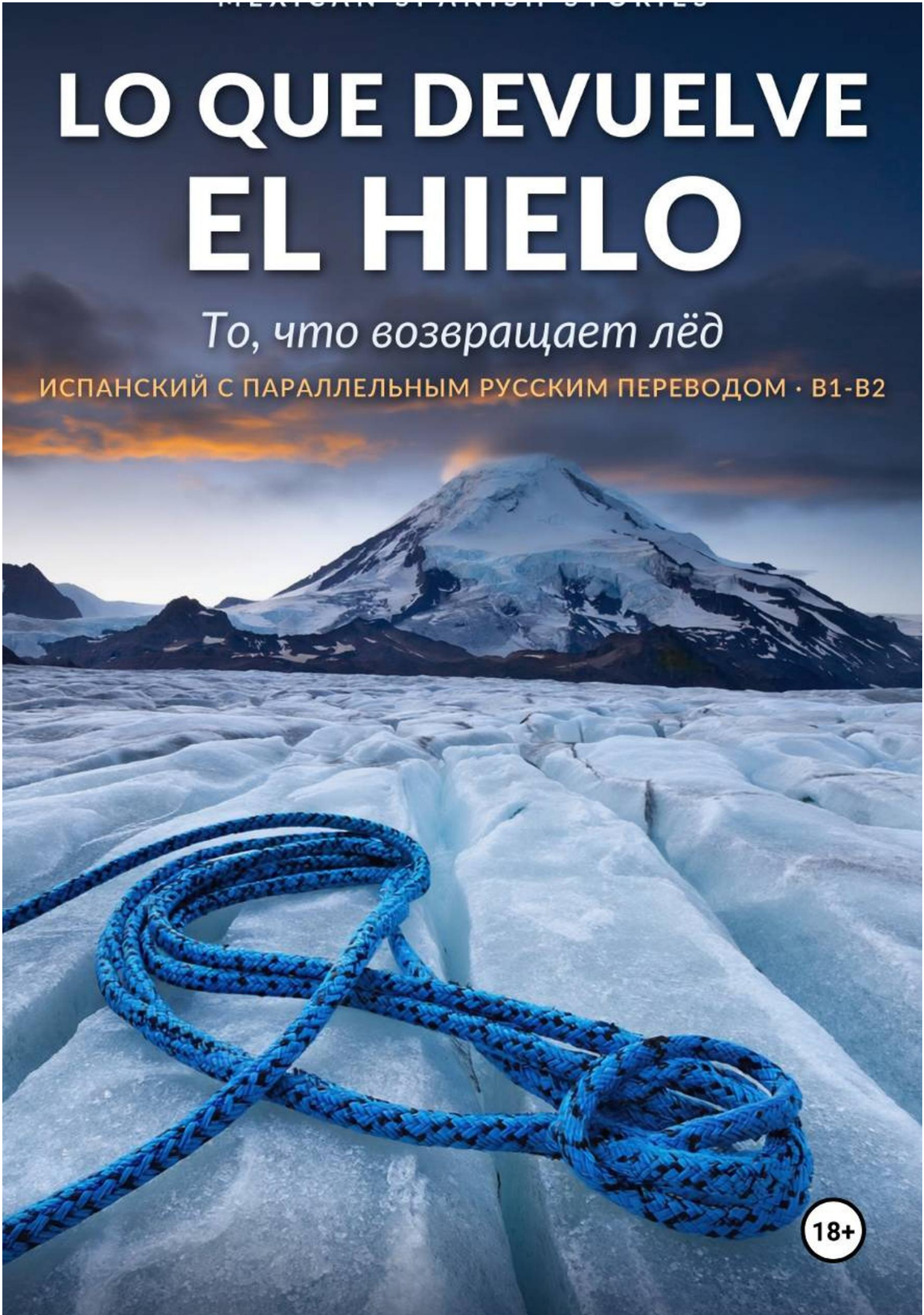
MEXICAN SPANISH STORIES

LO QUE DEVUELVE EL HIELO

То, что возвращает лёд

ИСПАНСКИЙ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ РУССКИМ ПЕРЕВОДОМ · B1-B2

18+

Poyraz Demir

Lo que devuelve el hielo / То, что возвращает лёд

«Автор»
2026

Demir P.

Lo que devuelve el hielo / То, что возвращает лёд / P. Demir — «Автор», 2026

Шесть лет назад горный гид Рената Ибарра потеряла напарника на Пико-де-Орисаба. Верёвка оборвалась, буря длилась три дня, и ледник навсегда закрыл Хоакина. Так она думала. Теперь лёд тает и начинает возвращать то, что забрал. Когда камера гляциолога замечает красную куртку на краю ледника, Рената поднимается на гору, на которую шесть лет не могла смотреть. Рядом с телом лежит их старая верёвка, всё ещё привязанная к его страховочной системе. Её конец не перетёрт. Его перерезали.Книга для тех, кто учит испанский на уровне B1-B2. Двенадцать глав на живом мексиканском испанском, под каждым абзацем дословный перевод на русский. Читайте по-испански, заглядывайте в перевод, когда нужно, и к последней странице вы прочитаете целую повесть на испанском.

© Demir P., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Как читать эту книгу 5
Capítulo 1: La fotografía 6
Capítulo 2: Tlachichuca 9
Capítulo 3: Piedra Grande 12
Capítulo 4: El Laberinto 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Poyraz Demir
Lo que devuelve el hielo /
То, что возвращает лёд

Как читать эту книгу

Каждый абзац идёт сначала на испанском, сразу под ним дословный перевод на русский курсивом.

Перевод держится близко к испанскому порядку слов, чтобы было видно, как устроена фраза. Прочитайте испанский абзац целиком, сверьтесь с переводом и вернитесь к испанскому.

Capítulo 1: La fotografía
Глава 1: Фотография

Renata Ibarra tenía una regla que repetía en cada curso, delante de cada grupo nuevo de voluntarios, con la misma voz tranquila con la que explicaba cómo se hace un nudo prusik: «Yo saco gente de la montaña. Viva o muerta, pero la saco». Aquella mañana de octubre lo dijo otra vez, en el muro de entrenamiento de la brigada, en las afueras de Puebla, mientras doce muchachos con arneses nuevos la miraban como se mira a alguien que ha visto cosas que uno todavía no.

Рената Ибарра имела правило, которое повторяла на каждом курсе, перед каждой новой группой добровольцев, тем же спокойным голосом, которым объясняла, как делается узел прусик: «Я вытаскиваю людей с горы. Живых или мёртвых, но вытаскиваю». В то октябрьское утро она сказала это снова, у тренировочной стены бригады, на окраине Пуэблы, пока двенадцать ребят в новых обвязках смотрели на неё так, как смотрят на кого-то, кто видел вещи, которых ты ещё не видел.

Desde el muro, en las mañanas limpias, se veía el Citlaltépetl: un triángulo blanco, perfecto, flotando sobre el valle a más de cien kilómetros. Los voluntarios lo señalaban con el dedo. Renata nunca lo miraba. Hacía seis años que no lo miraba de frente, de la misma manera que uno no mira de frente a una persona a la que le debe algo.

Со стены, в чистые утра, был виден Ситлальтепетль: белый треугольник, совершенный, плывущий над долиной более чем в ста километрах. Добровольцы показывали на него пальцем. Рената никогда на него не смотрела. Уже шесть лет она не смотрела на него прямо, тем же образом, каким не смотрят прямо на человека, которому ты что-то должен.

El hombre llegó cuando el curso terminaba. Traía una chamarra de plumas demasiado buena para la ciudad y una carpeta bajo el brazo, y se quedó parado junto a la reja hasta que ella lo reconoció. Elías Montaño. Dos años antes había subido a Piedra Grande en la camioneta de su hermano Pancho, y durante las dos horas de terracería le había hablado del hielo como otros hablan de una mujer: con paciencia, con detalle, con una tristeza que ella no entendió entonces.

Мужчина пришёл, когда курс заканчивался. На нём была пуховая куртка, слишком хорошая для города, и папка под мышкой, и он остался стоять у решётки, пока она его не узнала. Элиас Монтаньо. Двумя годами раньше он поднимался к Пьедра-Гранде в пикапе её брата Панчо, и в течение двух часов грунтовки говорил ей о льде так, как другие говорят о женщине: с терпением, с подробностями, с грустью, которую она тогда не поняла.

-Doctor Montaño -dijo ella, quitándose los guantes-. ¿Sigue midiendo el glaciar?

-Sigo. Aunque cada vez hay menos que medir. -Sonrió, y la sonrisa le quitó cinco años-. Necesito subir, Renata. Y necesito que suba conmigo. Nadie más me sirve.

- Доктор Монтаньо, - сказала она, снимая перчатки. - Вы продолжаете измерять ледник?

- Продолжаю. Хотя каждый раз есть всё меньше, что измерять. - Он улыбнулся, и улыбка сняла с него пять лет. - Мне нужно подняться, Рената. И мне нужно, чтобы вы поднялись со мной. Никто другой мне не подходит.

Abrió la carpeta sobre el cofre de una ambulancia. Eran fotografías del glaciar de Jamapa tomadas desde el mismo punto, año tras año, con una cámara fija instalada en la roca del Sarcófago.

En la primera, el hielo bajaba como una lengua ancha y sucia. En la última, la lengua se había encogido hasta parecer la mancha de un vaso sobre una mesa.

-Treinta por ciento en seis años -dijo Elías-. Se está muriendo. Y antes de morirse, está devolviendo cosas.

Он открыл папку на капоте машины скорой помощи. Это были фотографии ледника Хамапа, снятые с одной и той же точки, год за годом, неподвижной камерой, установленной на скале Саркофага. На первой лёд спускался, как широкий и грязный язык. На последней язык сжался до того, что походил на след от стакана на столе.

- Тридцать процентов за шесть лет, - сказал Элиас. - Он умирает. И прежде чем умереть, он возвращает вещи.

Tenía tres registradores de datos enterrados en el hielo y la cámara del Sarcófago, que tomaba una fotografía cada hora desde hacía dos años. El pronóstico daba cinco días de cielo limpio y después el primer norte de la temporada, de esos que entierran el glaciar bajo dos metros de nieve nueva hasta marzo. Si no bajaba los instrumentos esa semana, perdería dos años de trabajo.

-Hay guías en Tlachichuca -dijo Renata-. Mi hermano le consigue uno mañana mismo.

У него было три регистратора данных, закопанных во льду, и камера Саркофага, которая делала фотографию каждый час уже два года. Прогноз давал пять дней чистого неба, а потом первый норте сезона, из тех, что хоронят ледник под двумя метрами нового снега до марта. Если он не спустит приборы на этой неделе, потеряет два года работы.

- Есть гиды в Тлачичуке, - сказала Рената. - Мой брат вам найдёт одного хоть завтра.

Elías no discutió. Sacó la última fotografía, la de la semana anterior, y puso el dedo sobre el borde inferior del glaciar, donde el hielo se deshacía en una pendiente de piedras grises. Había una mancha. Pequeña, oscura, de un rojo apagado, como una flor que alguien hubiera dejado caer.

-Esto no estaba en agosto -dijo-. Y no es una piedra.

Элиас не стал спорить. Он достал последнюю фотографию, прошлой недели, и положил палец на нижний край ледника, где лёд распадался на склоне из серых камней. Там было пятно. Маленькое, тёмное, приглушённо-красное, как цветок, который кто-то уронил.

- Этого не было в августе, - сказал он. - И это не камень.

Renata sintió que el muro, la ambulancia y los doce muchachos se alejaban de golpe, como si alguien hubiera quitado el sonido del mundo. Joaquín usaba una chamarra roja. Roja como esa mancha. Nunca la encontraron. Nunca lo encontraron a él: la grieta era profunda, la tormenta duró tres días, y cuando la brigada pudo subir, el glaciar ya había cerrado la boca.

Рената почувствовала, что стена, скорая помощь и двенадцать ребят разом отдалились, как если бы кто-то выключил звук мира. Хоакин носил красную куртку. Красную, как это пятно. Её так и не нашли. Его самого так и не нашли: трещина была глубокой, буря длилась три дня, а когда бригада смогла подняться, ледник уже закрыл рот.

-No -dijo, y le devolvió la carpeta-. No subo al glaciar. Búsquese a otro.

Elías la miró un momento largo, sin insistir, con la paciencia de un hombre acostumbrado a esperar que el hielo se mueva. Luego le dejó una tarjeta sobre el cofre y se fue caminando hacia la calle.

- Нет, - сказала она и вернула ему папку. - Я не поднимаюсь на ледник. Ищите себе другого.

Элиас смотрел на неё долгое мгновение, не настаивая, с терпением человека, привыкшего ждать, пока лёд сдвинется. Потом оставил ей визитку на капоте и пошёл пешком к улице.

El teléfono sonó cuando Renata guardaba las cuerdas. Era su madre, desde Tlachichuca, y su madre nunca llamaba a esa hora.

-Mija -dijo doña Chelo, con la voz que usaba para las malas noticias del pueblo-. Bajaron unos muchachos de Piedra Grande. Dicen que hay un cuerpo saliendo del hielo. Dicen que es Joaquín.

Renata cerró los ojos. Al otro lado del valle, blanco y perfecto, el volcán esperaba.

Телефон зазвонил, когда Рената убирала верёвки. Это была её мать, из Тлачичуки, а её мать никогда не звонила в этот час.

- Доченька, - сказала донья Чело голосом, которым пользовалась для плохих новостей посёлка. - Спустились какие-то ребята с Пьедра-Гранде. Говорят, что есть тело, выходящее изо льда. Говорят, что это Хоакин.

Рената закрыла глаза. На другой стороне долины, белый и совершенный, вулкан ждал.

Capítulo 2: Tlachichuca
Глава 2: Тлачичука

Salieron de Puebla a las siete de la mañana en el coche de Elías, un Tsuru viejo que olía a café y a papel. Renata había llamado a la tarjeta a las once de la noche y había dicho una sola frase: «Subo con usted, pero mando yo». Él había respondido: «Siempre manda el guía», y ella había colgado sin despedirse, porque si hablaba un minuto más iba a arrepentirse.

Они выехали из Пуэблы в семь утра на машине Элиаса, старом «Цуру», который пах кофе и бумагой. Рената позвонила по визитке в одиннадцать вечера и сказала одну-единственную фразу: «Поднимаюсь с вами, но командую я». Он ответил: «Всегда командует гид», и она повесила трубку, не попрощавшись, потому что если бы говорила ещё минуту, то пожалела бы.

La carretera subía entre campos de maíz seco y pueblos de una sola calle. En Ciudad Serdán el volcán ya ocupaba medio cielo. Elías manejaba despacio y hablaba poco, y Renata se lo agradeció. A la altura de la desviación a Tlachichuca le preguntó, sin mirarlo:

-¿Por qué yo?

-Porque usted conoce el borde del glaciar mejor que nadie. Y porque hace dos años, en la camioneta, me dijo que el hielo no olvida. Yo escribí esa frase en mi cuaderno.

Шоссе поднималось между полями сухой кукурузы и посёлками в одну улицу. В Сьюдад-Сердане вулкан уже занимал полнеба. Элиас вёл медленно и говорил мало, и Рената была ему за это благодарна. На высоте поворота на Тлачичуку она спросила его, не глядя:

- Почему я?

- Потому что вы знаете край ледника лучше кого бы то ни было. И потому что два года назад, в пикапе, вы мне сказали, что лёд не забывает. Я записал эту фразу в свою тетрадь.

Tlachichuca era el mismo pueblo de siempre: la iglesia de piedra gris, la plaza con sus fresnos, las camionetas de doble tracción estacionadas frente a las casas de los arrieros, listas para subir alpinistas a Piedra Grande por la terracería que su padre había ayudado a abrir cuarenta años atrás. Y en cada esquina, enorme, cercano, con su cono de nieve brillando al sol de las diez, el volcán.

Тлачичука была тем же посёлком, что и всегда: церковь из серого камня, площадь со своими ясенями, полноприводные пикапы, припаркованные перед домами арьеро, готовые везти альпинистов к Пьедра-Гранде по грунтовке, которую её отец помогал прокладывать сорок лет назад. И на каждом углу, огромный, близкий, со своим снежным конусом, сияющим на солнце десяти утра, - вулкан.

Doña Chelo la abrazó en la puerta sin decir nada y luego miró a Elías de arriba abajo, como se mira a un caballo antes de comprarlo.

-¿Usted es el de los aparatos del hielo?

-Sí, señora.

-Pues pase. Hay café de olla y tlacoyos. Y hay algo que tiene que ver mi hija antes de subir.

Донья Чело обняла её в дверях, ничего не говоря, а потом осмотрела Элиаса сверху донизу, как смотрят на лошадь перед тем, как её купить.

- Вы тот, что с приборами во льду?

- Да, сеньора.

- Ну, проходите. Есть кофе де олья и тлакойос. И есть кое-что, что моя дочь должна увидеть перед тем, как подниматься.

Era una fotografía en el teléfono de Pancho, su hermano, tomada por un cliente el sábado anterior desde el Sarcófago con un teleobjetivo. Se veía el borde del glaciar, gris y sucio, y en la parte más baja, medio hundida en el hielo, una forma humana con una chamarra roja. Se veía una bota. Se veía un brazo doblado hacia arriba, como si todavía estuviera pidiendo que lo jalaran.

-Nadie ha subido a verlo -dijo Pancho-. Nadie se anima. Están esperando que subas tú.

Это была фотография в телефоне Панчо, её брата, снятая одним клиентом в прошлую субботу с Саркофага телеобъективом. Был виден край ледника, серый и грязный, а в самой нижней части, наполовину погружённая в лёд, человеческая фигура в красной куртке. Был виден ботинок. Была видна рука, согнутая кверху, как если бы она всё ещё просила, чтобы её тянули.

- Никто не поднимался посмотреть, - сказал Панчо. - Никто не решается. Ждут, что поднимешься ты.

En la plaza, al mediodía, se encontraron con Bruno Ferrer. Renata lo vio antes de que él la viera: más grueso que hace seis años, con una gorra de Citlali Expediciones, la empresa que había fundado con dinero de Monterrey y que ahora tenía cuatro camionetas nuevas y un letrero luminoso frente a la iglesia. Bruno había crecido con Joaquín en Puebla. Bruno había estado en la cuerda aquel día. Bruno fue el que bajó a decir que la cuerda se había roto.

На площади, в полдень, они встретили Бруно Феррера. Рената увидела его раньше, чем он увидел её: плотнее, чем шесть лет назад, в кепке «Ситлали Экспедисьонес», компании, которую он основал на деньги из Монтеррея и у которой теперь было четыре новых пикапа и светящаяся вывеска напротив церкви. Бруно вырос с Хоакином в Пуэбле. Бруно был на верёвке в тот день. Бруно был тем, кто спустился сказать, что верёвка порвалась.

-Renata. -La abrazó fuerte, demasiado fuerte-. Ya supe. Voy a subir con ustedes. Joaquín era mi hermano, no puedo dejar que lo bajen desconocidos.

-No hace falta, Bruno. Subimos el doctor y yo, marcamos el sitio y la brigada se encarga.

-Yo tengo gente, tengo equipo, tengo camillas. No te voy a dejar sola con esto. -Le sostuvo la mirada un segundo de más-. Nunca te he dejado sola con esto.

- Рената. - Он обнял её крепко, слишком крепко. - Я уже узнал. Я поднимусь с вами. Хоакин был моим братом, я не могу позволить, чтобы его спускали незнакомцы.

- Не нужно, Бруно. Поднимаемся доктор и я, отмечаем место, а бригада занимается остальным.

- У меня есть люди, есть снаряжение, есть носилки. Я не оставлю тебя одну с этим. - Он удержал её взгляд на секунду дольше, чем нужно. - Я никогда не оставлял тебя одну с этим.

Doña Chelo lo dijo esa noche, en la cocina, mientras Elías revisaba baterías en la mesa y Pancho cargaba la camioneta roja:

-Ese hombre no ha vuelto a pisar el glaciar desde aquel día. Seis años vendiendo la montaña a los turistas y nunca ha subido más allá de Piedra Grande. Y ahora, de repente, quiere subir. -Se limpió las manos en el delantal-. A mí no me gusta la gente que de repente quiere algo.

Донья Чело сказала это в тот вечер, на кухне, пока Элиас проверял батарейки на столе, а Панчо загружал красный пикап:

- Этот человек больше не ступал на ледник с того дня. Шесть лет продаёт гору туристам и никогда не поднимался выше Пьедра-Гранде. А теперь, вдруг, хочет подняться. - Она вытерла руки о фартук. - Мне не нравятся люди, которые вдруг чего-то хотят.

Renata subió a la azotea a ver el volcán. Era su costumbre de niña y su castigo de adulta. La luna estaba casi llena y el glaciar brillaba como una moneda vieja. Elías subió detrás de ella con dos tazas de café y se quedó a su lado sin hablar, hasta que ella dijo:

-Estuve seis años sin mirarlo.

-¿Y cómo lo ve ahora?

-Igual. Eso es lo peor. Uno cambia y la montaña no.

Рената поднялась на крышу посмотреть на вулкан. Это была её привычка ребёнком и её наказание взрослой. Луна была почти полной, и ледник блестел, как старая монета. Элиас поднялся вслед за ней с двумя чашками кофе и остался рядом с ней, не говоря, пока она не сказала:

- Я шесть лет на него не смотрела.

- И как вы его видите теперь?

- Таким же. Это худшее. Человек меняется, а гора нет.

Fue ella quien le quitó la taza de las manos. Fue ella quien lo llevó por la escalera oscura hasta el cuarto de los mapas, donde su padre había dibujado a lápiz cada ruta del volcán, y donde ahora la luna entraba por la ventana y ponía sobre la cama una franja de luz del color del hielo. Elías la desvistió con la misma lentitud con la que hablaba del glaciar, como si cada botón fuera una medida que había que anotar. Ella le tomó la cara con las dos manos y le dijo que no dijera nada, que esa noche no quería palabras: quería peso, calor, la certeza de un cuerpo vivo.

Это она забрала чашку из его рук. Это она повела его по тёмной лестнице в комнату карт, где её отец нарисовал карандашом каждый маршрут вулкана и где теперь луна входила через окно и клала на кровать полосу света цвета льда. Элиас раздевал её с той же медлительностью, с какой говорил о леднике, как если бы каждая пуговица была измерением, которое нужно записать. Она взяла его лицо обеими руками и сказала ему, чтобы он ничего не говорил, что этой ночью она не хотела слов: хотела веса, тепла, уверенности живого тела.

Después, con la cabeza sobre su pecho, escuchó cómo se le calmaba el corazón y pensó, sin culpa, que era la primera vez en seis años que elegía a los vivos. Se durmió así. La despertó, a las tres de la madrugada, el ruido de un motor en la calle. Se asomó a la ventana: una camioneta blanca de Citlali Expediciones salía del pueblo con las luces apagadas, rumbo a la terracería del volcán. Tres horas antes que ellos.

После, с головой на его груди, она слушала, как успокаивается его сердце, и подумала, без вины, что это был первый раз за шесть лет, когда она выбирала живых. Так она и заснула. Её разбудил, в три часа ночи, шум мотора на улице. Она выглянула в окно: белый пикап «Ситлали Экспедисьонес» выезжал из посёлка с выключенными фарами, в сторону грунтовки вулкана. На три часа раньше них.

Capítulo 3: Piedra Grande
Глава 3: Пьедра-Гранде

La camioneta roja de Pancho subió la terracería con el amanecer. Primero el bosque de pinos, después el zacatonal amarillo donde el viento peina los pastos, después ya nada: piedra, arena volcánica y el cono blanco cada vez más grande por el parabrisas. Renata iba en la cabina con el mapa de su padre sobre las rodillas, aunque no lo necesitaba. Elías, atrás, entre las mochilas, respiraba por la boca. A cuatro mil metros el aire empieza a cobrar por cada paso.

Красный пикап Панчо поднимался по грунтовке с рассветом. Сначала сосновый лес, потом жёлтый сакатональ, где ветер причёсывает травы, потом уже ничего: камень, вулканический песок и белый конус, всё больший через лобовое стекло. Рената ехала в кабине с картой своего отца на коленях, хотя она в ней не нуждалась. Элиас, сзади, между рюкзаками, дышал ртом. На четырёх тысячах метров воздух начинает брать плату за каждый шаг.

El refugio de Piedra Grande era el mismo edificio de concreto gris y techo de lámina donde ella había dormido cien noches: dos pisos de literas de madera, una estufa que nunca calentaba, ventanas pequeñas con vista al Laberinto. Frente a la puerta estaba estacionada la camioneta blanca de Citlali Expediciones. Vacía.

-Subieron temprano -dijo Pancho, y escupió al suelo-. Y sin clientes.

Приют Пьедра-Гранде был тем же зданием из серого бетона с крышей из листового железа, где она спала сотню ночей: два этажа деревянных нар, печка, которая никогда не грела, маленькие окна с видом на Лаберинто. Перед дверью был припаркован белый пикап «Ситлали Экспедисьонес». Пустой.

- Поднялись рано, - сказал Панчо и сплюнул на землю. - И без клиентов.

Ese día no subieron. La regla de la montaña es más vieja que cualquier prisa: se llega, se camina dos horas hacia arriba, se baja a dormir. Renata llevó a Elías hasta el primer tramo del Laberinto, entre las rocas negras y las lenguas de hielo viejo, y lo hizo caminar despacio, contando los pasos, bebiendo agua cada veinte minutos aunque no tuviera sed.

-¿Le duele la cabeza?

-Un poco.

-Cuando sea mucho, me lo dice. En la montaña el que se calla el dolor se lo lleva abajo en camilla.

В тот день они не поднимались. Правило горы старше любой спешки: приезжают, идут два часа вверх, спускаются спать. Рената довела Элиаса до первого участка Лаберинто, между чёрными скалами и языками старого льда, и заставила его идти медленно, считая шаги, выпивая воду каждые двадцать минут, даже если он не хотел пить.

- У вас болит голова?

- Немного.

- Когда будет сильно, скажете мне. В горах тот, кто молчит о боли, уносит её вниз на носилках.

A media tarde llegó un grupo de Guadalajara, seis muchachos ruidosos y felices que hacían su primera montaña grande, y con ellos regresaron los dos hombres de Bruno. Uno era joven, de Tlachichuca, con la cara quemada por el sol y los ojos de quien todavía no ha aprendido a mentir: Ramiro Téllez, hijo de un arriero que había subido con su padre. El otro era un hombre callado de Monterrey al que todos llamaban el Chino, y que no le dio la mano a nadie.

К середине дня пришла группа из Гвадалахары, шесть шумных и счастливых ребят, которые делали свою первую большую гору, а с ними вернулись двое людей Бруно. Один был молодой, из Тлачичуки, с обожжённым солнцем лицом и глазами того, кто ещё не научился лгать: Рамиро Тельес, сын арьеро, который поднимался с её отцом. Другой был молчаливый человек из Монтеррея, которого все называли Чино и который никому не подал руки.

-Fuimos a ver el camino -dijo Ramiro, cuando Renata le preguntó adónde habían subido-. El patrón quiere que todo esté listo para bajar al señor Joaquín. Llega mañana con las camillas.

-¿Llegaron al Sarcófago?

-Casi. -Miró al Chino antes de contestar-. Casi.

- Мы ходили посмотреть дорогу, - сказал Рамиро, когда Рената спросила его, куда они поднимались. - Хозяин хочет, чтобы всё было готово, чтобы спустить сеньора Хоакина. Он приезжает завтра с носилками.

- Дошли до Саркофага?

- Почти. - Он посмотрел на Чино, прежде чем ответить. - Почти.

En la noche, alrededor de la estufa, Elías explicó a los de Guadalajara lo que hacía. Lo explicó bien, con la alegría de un hombre al que rara vez le preguntan por su trabajo: los registradores enterrados en el hielo que medían la temperatura cada diez minutos, la cámara del Sarcófago atornillada a la roca, con su panel solar y su tarjeta de memoria, tomando una foto cada hora desde hacía dos años. «Es el testigo más paciente de México», dijo. Ramiro escuchaba con la boca abierta. El Chino escuchaba sin mover la cara.

Ночью, вокруг печки, Элиас объяснял ребятам из Гвадалахары, что он делал. Объяснял хорошо, с радостью человека, которого редко спрашивают о его работе: регистраторы, закопанные во льду, которые измеряли температуру каждые десять минут, камера Саркофага, привинченная к скале, со своей солнечной панелью и своей картой памяти, делающая фото каждый час уже два года. «Это самый терпеливый свидетель Мексики», сказал он. Рамиро слушал с открытым ртом. Чино слушал, не двигая лицом.

Renata salió a revisar el equipo bajo las estrellas. Nunca había visto tantas como en Piedra Grande; en Puebla las luces de la ciudad se las comían. Al este, sobre la Sierra Negra, brillaba la lámpara roja del Gran Telescopio, y más allá, muy abajo, el resplandor lejano de Veracruz. El cielo estaba limpio. Demasiado limpio, pensó, con el instinto de los que crecieron leyendo nubes. Un cielo así, en octubre, es un cielo que está tomando aire antes de gritar.

Рената вышла проверить снаряжение под звёздами. Никогда она не видела их столько, сколько в Пьедра-Гранде; в Пуэбле огни города их съедали. На востоке, над Сьерра-Негра, горел красный фонарь Большого Телескопа, а дальше, очень низко, далёкое зарево Веракруса. Небо было чистым. Слишком чистым, подумала она с инстинктом тех, кто вырос, читая облака. Такое небо, в октябре, - это небо, которое набирает воздух перед тем, как закричать.

Volvía a la puerta del refugio cuando oyó las voces. Venían del costado del edificio, donde los de Bruno habían dejado sus mochilas, y hablaban bajo, pero el aire de la montaña lleva las palabras lejos.

-…mañana a las doce, antes que ella -decía el Chino-. Nada más la cuerda. Nada de cuerpos, nada de fotos.

-¿Y si ya llegó al cuerpo? -preguntó Ramiro.

-Tenemos que llegar antes que ella. Si no, el patrón nos corre. O algo peor.

Она возвращалась к двери приюта, когда услышала голоса. Они шли от боковой стены здания, где люди Бруно оставили свои рюкзаки, и говорили тихо, но горный воздух уносит слова далеко.

- …завтра в двенадцать, раньше неё, - говорил Чино. - Только верёвка. Никаких тел, никаких фото.

- А если она уже дошла до тела? - спросил Рамиро.

- Мы должны прийти раньше неё. Если нет, хозяин нас выгонит. Или что-то похуже.

Renata no se movió. Sintió el frío entrar por el cuello de la chamarra y quedarse en la espalda. La cuerda. Seis años atrás, cuando la brigada bajó lo que quedaba del equipo, nadie había hablado de buscar una cuerda. Se había roto contra una arista de roca, dijo Bruno, y ella lo creyó, porque lo había sentido en las manos: el peso, el tirón, y luego nada. Entró al refugio sin hacer ruido, se acostó vestida junto a Elías y le dijo al oído:

-Salimos a la una. No a las tres. A la una.

Рената не пошевелилась. Она почувствовала, как холод входит через воротник куртки и остаётся на спине. Верёвка. Шесть лет назад, когда бригада спустила то, что осталось от снаряжения, никто не говорил о том, чтобы искать верёвку. Она порвалась о ребро скалы, сказал Бруно, и она ему поверила, потому что почувствовала это в руках: вес, рывок, а потом ничего. Она вошла в приют, не производя шума, легла одетой рядом с Элиасом и сказала ему на ухо:

- Выходим в час. Не в три. В час.

Capítulo 4: El Laberinto
Глава 4: Лабериnто

A la una de la madrugada el refugio dormía y hacía diez grados bajo cero. Renata revisó los crampones de Elías con la lámpara frontal, le apretó las correas ella misma y le colgó del arnés lo que iba a necesitar: dos mosquetones, un cordino, el piolet. Los de Bruno roncaban en las literas de arriba. Salieron sin encender las luces hasta la primera curva del sendero.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.